

Шуменски университет
“Епископ Константин Преславски”
Факултет по хуманитарни науки

**Проблемы когнитивного и
функционального описания русского и
болгарского языков**

Выпуск 17 / 1

Шумен
2023

ФЕНОМЕН «МОЕГО СВЕТА» В АСПЕКТЕ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Василий Сенкевич

Аннотация. Феноменологический подход к языку открывает для лингвистов перспективу непосредственного знакомства с воплощенной в живом слове виртуальной реальностью, «моей» для говорящего. Не имея внешней референции и семиотического представления в языке, постулируемая говорящим реальность «моего света» обладает характеристикой подлинности и получает иероглифическое воплощение. В статье предпринимается попытка очертить феноменологические параметры виртуальной реальности «моего света». В частности, отмечается его феноменальность – невозможность существования самого по себе, отдельно от человека (парадокс ирреальной реальности); легитимность – ключевое условие присутствия «несуществующих структур» виртуальной реальности; корреспондирование с феноменом власти (обладания), составляющей антитезу имения; иероглифический характер, противопоставленный отражению и семиотическому выражению предметного мира объективной действительности; допредикативная априорность («несказанность») и еще не засвидетельствованная несомненная очевидность. «Мой свет» обладает этическим характером и оказывается для говорящего источником, из которого черпается уверенностей и извлекаются смыслы. Бытующие институты и существующие институты позитивного знания в реальности «моего света» уступают место парадоксальному опыту познания очевидной иррациональной реальности, осуществляемому искусством. У этого недискурсивного художественного опыта отсутствует выход в сферу существующих языковых форм и парадигм, однако он получает уникальное логистическое воплощение в живом слове, звучащем в режиме реального времени. Познать мотивы и рефлексы неопценимого опыта встречи реципиента с подлинной человеческой реальностью, воплощенной в звучащем слове, – задача феноменологической лингвистики. Феноменология как методология эйдических наук дополняет существующие парадигмы языкового анализа характерными для нее парадоксальными началами и принципами.

Ключевые слова: «мой свет», виртуальная реальность, подлинность, легитимность, иероглифичность.

PHENOMENON OF «MY LIGHT» IN THE ASPECT OF VIRTUAL REALITY

Vasili Senkevich

Abstract. The article is dedicated to description of virtual reality of «my light» which is present and implicitly created in the situation of real-time communication. Phenomenological approach to language opens for linguists a prospect of acquaintance with virtual reality embodied in a living word, «mine» for the speaker. Having no external reference, «here»-reality postulated by the speaker is unquestionable for him and has the characteristic of authenticity. An attempt is made to outline phenomenological parameters and note the paradoxical nature of the reality of «my light». In particular, its phenomenality is noted – impossibility of existence by itself, separately from a person (the paradox of unreal reality); legitimacy as a key condition for the presence of «non-existent structures» of virtual reality; correspondence with the phenomenon of possession – power, which is considered as the antithesis of possession; hieroglyphic character, opposed to semiotic expression and representation of objects (phenomena) of objective reality; pre-predicative apriority («ineffability») and obvious certainty. «My light» has an ethical character and acts as a source of confidence and meanings for the speaker. Conventional institutes and existing institutions of knowledge in this field give way to paradoxical experience of knowing the obvious reality by verbal art. Non-discursive experience of creative cognition does not have access to the sphere of linguistic forms and paradigms, however, it receives a logistic embodiment in a word that sounds in real time. It is the task of phenomenological linguistics to learn the motives and reflexes of invaluable experience of a person's encounter with genuine reality, embodied in a living word. Phenomenological approach to language supplements the existing language paradigms with logistic fundamentals and principles characteristic of phenomenology.

Key words: «my light», virtual reality, authenticity, legitimacy, hieroglyphic.

Вероятно, каждому пользователю языком знакомо интуитивное восприятие «моего» и «не моего»: – *Не мое. Не мое это. Не мой сегодня день. Моя пора еще не настала* и т. д. Мотив «не моего» звучит в творчестве – старинных и

современных русских песнях: – *Это не мое, ой, это не мое, Это не мое, это батюшки мово* (песен.); *Это не мое, не мое, о ту love где родной дом. Все это кино не мое, не мое, не мое* (песен.). Не менее известно и восприятие «моего»: *Долой же все, что не составляет вполне Моего* (М. Штирнер). *Что, Ксения? что, милая моя? В невестах уж печальная вдовица!* (А. Пушкин). Слово «мое» в приведенных текстах не выполняет различительную функцию, а служит признанием (распознаванием, узнаванием) всего неотчуждаемо-приемлемого и подходящего для говорящего.

Как следует из грамматик и словарей русского языка, *мой* (-я, -е, -и) – это «притяжательное местоимение к я. *Мой дом. Мое пальто. Моя книга; мое* – «то, что принадлежит мне» [13]. Однако очевидно, что слово «мое» в обыденном языке не является простой грамматической формой. Его лексическое значение и грамматические признаки в ходе живого общения не актуализируются, а уступают место неисчерпаемой чувственной палитре, непосредственно обнаруживающейся в ходе восприятия и переживания самой реальности.

Авторская несводимость смыслового контента слова «мое» к лексико-грамматической парадигматике – повод для изучения его феноменальных логистических импликаций. В статье рассматривается сущность феномена «моего света», предпринимается попытка выявить его языковой статус и описать характерные черты.

М. Бахтин в «Авторе и герое...» [1, с. 180, 196] несколько раз пишет слово «мое» курсивом. Курсивное «мое» характерно и для авторов, изучающих творчество философа. Так, А. Шиманский в предисловии к книге Н. Бердяева «Творчество и объективация» (Мн., 2000) отмечает: «Я бы хотел говорить о «моем» и «не моем» в Бердяеве, о том, что мне близко в нем или наоборот не очень [...]». Я могу сказать, что близко знаком со многими

мыслителями. Бердяев – наиболее «*мой*» из них...» [18, с. 4, 5]. Очевидно, что использование здесь местоимения *мой* не связано с личностной идентификацией ученого, а ориентировано на феноменологию его восприятия реципиентом. «*Мой Бердяев*» – это не Бердяев «сам по себе» (русский религиозный и политический философ, представитель русского экзистенциализма и персонализма и т.д.), а Бердяев «для меня».

Было бы заблуждением трактовать авторский курсив как вид выделительного начертания, относящегося к системе шрифтов. Курсив не сам шрифт, а его характер. Это не средство коммуникации (передачи), а изобразительный инструмент, благодаря которому достигается эмфатическое акцентирование важного для пишущего и читающего смысла. Эмфаза усиливает импрессию высказывания, манифестирует сущность чего-либо. Курсивное «*мое*» в устном общении с чувством выговаривается – артикулируется. Четкое выговаривание не тождественно произносительному действию, т.е. выражению; произнести (vs выговорить). Это осуществляемое состояние – кто-то в состоянии (в силах) выговорить слова и звуки, а кто-то нет: *Все слова выговаривает он так чисто, так речисто, как попугай...* (Д. Фонвизин). *Я кивнул головой в знак согласия, будучи не в силах выговорить ни слова* (С. Дж. Уаймен). Озвученное слово выговаривается, а сказанное именованное выражение («фонема имени» – термин А. Лосева) произносится, ср.: – *Доброе утро, – не очень уверенно произнесла девушка...* (Е. Шумская).

Реальность «для кого» абсолютно не имеет отношения к действительному миру, существующему «самому по себе», и его дискурсивному выражению. «Мир не есть. Мир происходит» (М. Мамардашвили). Это реальность логоса – состояния разворачивания и манифестации сущности вещей, предел осуществления всех стихий. Логос – ключ (а не код!)

к глубинам человеческой мудрости, воплощенной в творчестве. «Λόγος есть лозунг, зовущий философию от схоластики и отвлеченности вернуться к *жизни*, не насилуя жизнь схемами, наоборот, *внимая ей*, стать вдохновенной и чуткой истолковательницей ее божественного *смысла*, ее скрытой радости, ее глубоких задач» [19, с. 3]. В переводе Библии на китайский язык слову «λόγος» соответствует иероглиф 道 – ‘путь’, ‘дао’.

И. Кант уверял, что «все, чем вещь есть «для нас» («феномен»), и то, что она представляет из себя «сама по себе» в действительности («ноумен») – это принципиально не одно и то же [7, с. 101]. Богословы увидели в этом противопоставлении антиномию Закона («дело закона» – ап. Павел) и благодати. Несомненна важность отмеченной антитезы и для лингвистики. В ней осмысливается противопоставление «дела» («ургии») и «слова» («логии») – концептуализации (категоризации) мира и опыта недискурсивного познания самой реальности словесным искусством. «Мы, – пишет Э. Гуссерль, – отказываемся от утверждения относительно реальности данного мира, вынося за скобки его существование» [5, с. 197]. Похожую мысль высказывает и В. Соловьев: «Нам даны природные явления, составляющие то, что мы называем внешним, явленным миром. Этот мир как такой (т.е. как внешний и предметный) бесспорно есть только видимость, а не реальность» [14, с. 32-35].

Словом «*мой*» в высказывании артикулируется вкладываемый авторским сознанием смысл. «*Мойм*» ситуативно творится не существующая как данная, однако очевидная и несомненная для говорящего арт-реальность. В силу своей очевидности она не нуждается в освидетельствовании. Не является она также и предметом знания; Я знаю (vs Мне известно). Ее не представляют «по результату», а презентуют (предъявляют) и воочию

знакомятся с ней «по ходу». Ход непосредственного познания (ознакомления) с чем-либо не равнозначен процессу информирования (осведомления); сведения (vs вести). Из того, что мы что-нибудь знаем, отнюдь не следует, что мы его познали – с ним ознакомились: ср. пол. *roznać* – ‘познакомиться’. В познании жертвенность («Во имя...») уступает место милости («Ради...»), любовь сменяется милостью: пол. *Miło mi roznać ...* – рус. *Приятно познакомиться с...*

Знание в форме понятий и представлений отчуждает человека от самой реальности. Есть дереализующая «жестокая дилемма» (Х. Ортега) концептуализации мира: «Мы не можем сделать объектом нашего понимания, не можем заставить существовать предмет, если не превратим его в образ, в концепцию, в идею, иными словами, если он не перестанет быть тем, что он есть реально, и не превратится в тень, в схему самого себя» [10, с. 101]. Слова «*мои руки*», «*мои глаза*» и т.д. говорят о знакомом для меня («своем», а не собственном). Словосочетанием «*душа моя*» не обращаются ко второму лицу, а апеллируют (взывают) к Другому – близкому для говорящего человеку: – *Что ты, душа моя!* – сказал он, как бы не понимая того, что я говорила (Л. Толстой). Нарративное «*мой*» – своего рода артикль: *Вот мой Евгений на свободе; Острижен о последней моде...* (А. Пушкин).

В «моем» нет ничего личного (связанного с «я»). Идентификация здесь уступает место аутентификации, убежденность – достоверности (подлинности) и уверенности. «Могу ли я сказать, что я – это рука? Или нога? Нет. Правильно будет – «*моя рука*», «*моя нога*». Я – туловище? Нет. Правильно – «*мое туловище*». Я – лицо или голова? Нет; и лицо, и голова – мои. Все части этого тела – да и само тело тоже – я называю «*моими*». Ну а кто же в таком случае я?...» [4, с. 43]. «Мое» – первичная безличная

самопрезентация человека. Издавна каждый познает себя через все, чем он владеет. «История личных местоимений развернет перед нами череду подобных усилий, показывая, как в долгом продвижении от внешнего к внутреннему формируется понятие «я». Сначала вместо «я» говорят «моя плоть», «мое тело», «мое сердце», «моя грудь». Мы еще и теперь, с ударением произнося «я», прижимаем руку к груди, – остаток древнего телесного представления о личности. Притяжательное местоимение старше личного. Понятие «мое» старше понятия «я». Позже акценты переносятся на социальную маску» [10, с. 212].

Не открываемая как истина, а творимая словом («по правде») реальность не имеет отношения к миру пропорционального соответствия – правильности. «Мой» – не соответствующий мне, а *похожий* на меня. В силу этого он подходящий – гармонизирующий, близкий. В апелляциях со словом «*мой* (-я)» звучит мотив легитимности – признания, признательности и восхищения. Признание не обходится без Другого – источника власти и авторитетности: – *А я уже давно готова, жду тебя, мой председатель* (М. Шолохов). *Всем нам, сыны мои дорогие, предстоит хранить веру нашу и дело наше* (Г. Пономарева). *Душа моя Павел Иванович!*; *Ах, жизнь моя, Анна Григорьевна, она статуя...* (Н. Гоголь). *Да, мой милый, мой сердечный друг! одна смерть может разлучить нас... Дай мне свою руку, радость дней моих, ненаглядный мой!..* (М. Загоскин). Гармоничное и совершенное «мое» приводит в восторг, за которым стоит захватывающее душу глубокое переживание. Восторг – вечный спутник творчества и связанных с ним приятных переживаний, как бы оживляющих душу и дарящих ей чувство свежести.

Статус творимой реальности виртуальный. Эта реальность не существует как действительная и определенная, не требует подтверждений и

аргументированных доказательств, однако со всей очевидностью для говорящего *есть*: Так, выговаривая «*боль моя*» (*Боль моя, ты покинь меня...* – песен.), говорящий постулирует что-то несомненное для себя, однако не существующее как данное: «...я не вижу своей боли. Чтобы я увидел мою боль, нужно, чтобы я прервал состояние боления и превратился бы в «я» смотрящее» [10, с. 100]. Не принято самому смотреть на себя со стороны, как и не принято звать самого себя (самозванство). Для этого есть Другой, по аналогии со своим состоянием интуитивно угадывающий состояние адресата [12, с. 255]. Творчеством создаются ирреальные горизонты восприятия. Есть только один путь осознать эту феноменальную реальность – противопоставить ее тому, чем она не является, т.е. существующей действительности. «Говоря о Боге, мы не можем установить, чем Он является, а лишь чем Он не является (Фома Аквинский (1225–1274) – философ и теолог).

Лексико-грамматические схемы и речевая прагматика к реальности «моего» не приемлемы. Признанное «*мое*» – не средство воздействия на пациента речи, а вербальный инструмент («препарат»), благотворно влияющий на *ход* живого общения. Анализу местоимения *мое* как грамматической единице противопоставляется феномен его смыслового препарирования – осознания и ознакомления с его этосом («устроением»). Анатомия воплощенных в нем чувств и смыслов не равнозначна вскрытию структуры объективного содержания. В осознании ничего не является – не дает себя знать, однако в нем реально обнаруживается чувственно-неотразимая настроенность и смысловая архитектоника всего. В словах «*бог мой*», «*честь моя*» и т.д. озвученные феномены не существуют для говорящего как наличные – фактографические и событийные. «Мое» есть «для меня»: *Для меня честь здесь находится. Для меня это вопрос чести* (разг.). Говорящий ничего не утверждает и

не основывается на фактах, признавая и заверяя, что что-то *есть*. Позитивному материалистическому мировоззрению не понятна сама парадоксальная мысль – «есть только то, чего нет»: *Стало быть, тот бог есть же, по-вашему? – Его нет, но он есть. В камне боли нет, но в страхе от камня есть боль. Бог есть боль страха смерти* (Ф. Достоевский).

Неизреченная (допредикативная) реальность слова «*есть*» не нуждается ни в каком объяснении или в обосновании. «Признание, что кто-то или что-то *есть*, относится к *сущности* вещи, а не к существованию предмета (явления) или их видимости» [15, с. 50]. Существование (*existentia*) допускает различные формы и обстоятельства. Воплощенная сущность (*essentia*) бесформенна и полярна (*Есть и все тут. Есть и больше ничего* – разг.). Ее контент – неизбирательное «все» и полярное для него «ничего». «*Все*» не происходит, демонстрируя (показывая) себя, а заметно либо незаметно проходит – манифестируется: – *Как все прошло? – Ничего* (разг.). Сдержанным «ничего» удостоверяется искомое состояние «отсутствия присутствия» постороннего и дисгармоничного – всякого» («разного»). Под сущностью подразумевается неопределенное, однако предельно знакомое и известное «что-то». Все сущностное характеризуется исключительно нигилистически: *небывалое, невиданное, неслыханное, невозможное, несравненное* и др.: «...to wieczne JEST, co ani było, ani będzie, ani może być, niepodległe wolnym wyborom, nieodstępne od najlepszości, nieludzko koniecznie» [20, с. 2]. В реальности, знаменуемой словом «есть», – источник достоверности и уверенности человека: – *А что, пань? – сказал Тарас, перекликнувшись с куренными. – Есть еще порох в пороховницах? Не ослабела ли еще козацкая сила? Не гнутя ли козаки? – Есть еще, батько, порох в пороховницах. Не ослабела еще козацкая сила; еще не гнутя козаки!* (Н. Гоголь).

Очевидная и вселяющая уверенность реальность оказывается логически необъяснимой. Однако ее подлинность не вызывает, в идеале, ни капли сомнения. Мифический Дед Мороз для ребенка реален до тех пор, пока его мифичность не будет развенчана действительным положением дел. Локализованная в просцениуме «вот здесь» реальность на поверку оказывается предельно конкретной для человека: **Вот моя деревня; Вот мой дом родной; Вот качусь я в санках По горе крутой; Вот свернулись санки...** (И. Суриков). **Давай с тобой продлим еще на год вот Это вот** (Вл. Вишневский). Эту дрящущую (а не продолжающуюся!) «вот» – реальность М. Хайдеггер называет словом «Dasein», фигурирующим в русских текстах без перевода. Не будучи отраженной и засвидетельствованной, эта реальность живую проходит перед очевидцем, склонным ей доверять и ее мифологизировать. Мифический эпитет «живого» получает все, что не превратилось в институциональный (установленный) факт: *живой звук, живое общение, живая душа, живая плоть, живое воплощение, живая сила, живые цветы, живое место, живая вода* и др. Феноменологии восприятия этой реальности обязан миф «живое слова»: *Есть сила благодатная В созвучьи слов живых, И дышит непонятная, Святая прелесть в них* (М. Лермонтов). Аспект мифологизации присутствует и в обожествлении адресата: **Ягодка моя, ты для меня – все** (разг.) – **Я твой раб, – воскликнул он, – я у ног твоих, ты мой владыка, моя богиня** (И. Тургенев).

Описываемая реальность никак не причастна к жизни. Она есть *сама жизнь*, осознаваемая в аспекте неотчуждаемой принадлежности – вечности, неизменности и преданности. Не существуя как таковая, эта реальность не обходится без интенций реципиента – *моего слушателя, моего зрителя, моего ученика* и т.д. Свет сущностей проходит в модусе

негации – слушать, *ничего* не слыша; смотреть, *ничего* не видя; касаться, *ничего* не трогая, и т.д. В Синодальном переводе Библии читаем: «Выслушаем сущность всего» (Эккл. 12:13). Древние греки «взволнованно и неутомимо вслушивались в шелест травы, журчание ручья, в шум ветра, одним словом – в трепет природы, пытаясь уловить разлитую в ней мысль [...]» [9, с. 457].

Очевидное и несомненное «мое» не рассчитано на то, чтобы его знали. Незадолго до смерти А. Чехов написал своей жене О. Книппер: «Ты спрашиваешь: что такое жизнь? Это все равно, что спросить: что такое морковка? Морковка *есть* морковка, и *больше ничего...*» [2]. По сути, здесь уместны только этические вопросы, предусматривающие в ответе негацию: *Как прошел день? Как прошла неделя? Как прошла жизнь?* Искомый ответ – *Ничего: Чего хочу от жизни? Ничего; А этого у ней как раз избыток* (И. Губерман). В случае постороннего нецивилизованного «чего» возникает неприемлемое для «моей» реальности, негармонирующее с ней «абы» (*абы-как, абы-где, абы-куда* и т. д.): *Она была ведьмой, а ведьма не может позволить себе жить абы с кем* (М. Мара). «*Ну-к что ж, что мужик! а мне, – говорит, – абы водка*» (Н. С. Лесков); пол: *Nie złowione figlują szczyraki, minął rok, znowu rok – byle jaki* («песен.).

Словом *вот* перекидывается мостик от установленной регулярности («снова») к проходящей периодичности (*еще раз*): *Это вот моё, Богом суженное* (песен.). «Еще раз» – не значит «повторить» (Раз на раз *не приходится*). Вечная «вот-реальность», не приходящая (пришлая), а здешняя (бел. *тутэйшая*). Эта реальность не происходит регулярно и «как правило», а *проходит* периодически; снова (vs опять). Здесь нет «удивительных моментов», однако воочию присутствуют «чудные мгновения» (А.С. Пушкин). Ее уникальный и вечный миг (*Есть только миг...* – песен.)

противопоставлен временной моментальности. Настоящее, былое и будущее не проявляется во всем ныне длящемся («век *нынешний*» – А.С. Грибоедов), архаически минувшем (пол. *było-minęło*) и в прогнозируемом грядущем (*на сон грядущий*).

На проходящую в реальном режиме *здесь*-реальность не указывается жестом и знаком. Она не называется и не различается (бел. *безназоўнае*, рус. *безымянное*), а отмечается и распознается; знак (vs метка). Общее, будучи повторяющимся во многом, имеет значение и допускает семиотическое представление. Презентацию всего, что пока еще не стало экспонентом знака, осуществляет метка (*nota*) и рисунок. Это иероглифический путь фиксации его. «Иероглиф – некоторое материальное явление, которое я непосредственно ощущаю, чувствую, воспринимаю и которое говорит мне (разрядка наша – В.С.) больше того, что им непосредственно выражается как материальным явлением» [6, с. 325]. Концептуальные контуры знака здесь сменяются живыми очертаниями, представление – предъявлением, признак – чертой, образ – эйдосом (обликом).

Феномены виртуальной реальности не выражаются, а воплощаются. Воплотить – не значит что-нибудь выразить, оформить или сконструировать. Воплощение есть овеществление чего-то, что само вещью не является: *воплотить смысл, воплотить замысел, воплотить мечту, воплотить принципы* и др. Здесь не проявляется различительная предметность, однако присутствует распознаваемая вещьность. Воплощенное само вещает (говорит, эманурует – источается и распространяется), фактически ничего не свидетельствуя. Слово «плоть» корреспондирует с известной технической характеристикой – плотностью. Элементы плоти соприкасаются *вплоть* до их сращения – конкретизации (ср.: *приблизиться вплотную*).

Знаменательно, что слово «конкретный» восходит к лат. *concretus* «плотный», от *concrecere* «срастаться, уплотняться, сгущаться», далее из *cum* (варианты *co-*, *com-*, *con-*) «с, вместе» + *crescere* «расти», из праиндоевр. **ker-* «расти» (По словарю Фасмера). Плотное есть целостное (*одна плоть*) и прочное (не крепкое!); от него не толк, а *прок*. Все воплощенное не является текущим (происходящим) и не имеет причины. Оно источается, и у него есть источник. Словом «*воплощение*» манифестируется генеральная миссия творчества. Уникальные воплощения распознают по их *haecceitas* (Д. Скот) – непреодолимой детерминации вещи, благодаря которой она оказывается «вот этой» вещью.

Реальность «моего света» не связана с выбором и проявлением активности. «*Мое*» не выбирают, а, распознавая, ищут. Сущность его селективная – предпочтительная; выбор (*vs* предпочтение, фильтрация). Глаголы восприятия (*слушать*, *смотреть*, *касаться*, *вдыхать*, *смаковать*) не указывают на процесс [21]. Ими фиксируется и описывается состояние осуществления чего-либо – его «ход». Говорится о «*ходе восприятия*», «*ходе вещей*», «*ходе мысли*», «*ходе жизни*» и др. В ходе познания реалии ее воспринимают не для того, чтобы действовать. На нее смотрят и ее выслушивают ради удовольствия, а не для того, чтобы удовлетворить какие-нибудь потребности: *Когда б имел я сто очей, То все бы сто на вас глядели* (А. Пушкин). Слово «вожделение» (*смотреть с вожделием*) вряд ли называет требующую удовлетворения страсть. Думается, в вожделии присутствует не желание, а интенция (стремление) обладания. Владыка (вождь, ведущий, лидер) не деятель и не носитель культуры, а цивилизованный пользователь.

Осуществляемое «по ходу» не направлено на конечный результат. Оно никуда не идет, но доходит до своего предела совершенства, постоянно возвращается к своему исходному

состоянию – незамутненному истоку. Ходящий никуда не идет, однако «доходит до себя самого» – продвигается по пути познания себя (*Nosce te ipsum*). Вечное «возвращение на круги своя» есть путь к себе – к познанию своей самости. Обратной дороги нет (*дорога – назад*) – есть обратный путь: *Маяк был задуман как ориентир, чтобы рыболовные суда находили обратный путь в бухту* (Т. Эллис); *маячить* – ходить «туда-сюда», а не идти «вперед» или «назад».

Модальность восприятия «моего света» обусловлена первичным состоянием реципиента и никак не определяется извне: *Не по хорошу мил, а по милу хорош* (посл.). «Мое» оказывается приемлемым (подходящим) для меня. В неприятии (*Противно!*) нет волеизъявительного действия. Испытываемые чувства и воображение принадлежат состоянию восприятия. Наоборот, «желать», «утверждать», «отрицать» – это ментальные действия, связанные с активным проявлением воли. Обзывая кого-, что-то «гадом», «гадостью», «дураком» и т. д., мы не имеем ничего личного против него, не оскорбляем его достоинство. Это *критика*, которой подвергается как с а м референт, так и его «дурное» поведение: – **Вот гады!** – с неожиданным хладнокровием проговорила она. – Засаду нам устроили! Ну, вы у меня попляшете! (В. Головачев). Слово «против» в высказывании «*Это было мое слово против его*» обладает смыслом *анти*. Неприятие не оппозиция к приятию, а его антипод.

Смысловая стихия слова «мое» не может быть интерпретирована в терминах речевой прагматики. В «моем свете» не чинятся препятствия, однако создаются преграды – помехи: *А не спеть ли нам песню...* (А что нам мешает?). Здесь не принято вмешиваться в дела: *Это не мое дело* (разг.). Выражение «*мое дело*», по сути, является симулякром. Дело предполагает правовые отношения: *собственное дела, наше дело, открыть дело* и т.п. Сущность моего логистическая – *ни, ни*. Она не определяется ни

фактически (де-факто), ни по праву (де-юре). Его не имеют – им обладают. Имущественные отношения внешнего мира в «моем свете» уступают место феномену власти.

В буквальном смысле «моим» оказывается все, что находится во власти говорящего. Ситуация обладания описывается словами «под кем»: *под большевиками* – под властью большевиков. Власть не интерпретируется в отношениях подчинения. Солдат находится под началом у своего командира – *слушает* его команды («Есть», «Слушаюсь»). Это его труд (послушание), а не работа. Послушник «ходит» под кем: – *Кто вы такие? Под кем ходите?* – *Как и все, под Богом ходим* (разг.). Властелин не является хозяином: – *Что же ты делаешь со всеми этими звездами?* – *Что делаю?* – *Да.* – *Ничего не делаю. Я ими владею* (А. де Сент-Экзюпери).

Парадоксально оказывается, что человек не имеет всего, что у него есть. «Мои руки» не являются моим имуществом, т.е. собственностью. Руки человек не имеет – они у него *есть*. Руками владеют, и они послушны (а не подчинены. Имение всего, обидно для человека, совершенного в своей целостности («Имел я тебя...»). Не имение – путь к власти и благосостоянию. Слова апостола Павла: «*Nihil habentes et omnia possidentes*» («Мы ничего не имеем, однако обладаем всем» [10, с. 388].

Владение не связано с институтами деятельности, однако повсеместно обнаруживается в поведенческих поступках: *Но человека человек. Послал к анчару властным взглядом, И тот послушно в путь потек* (А. Пушкин). Очевидно, что «послать» – это не стимулирующее действие, а эффективный импульс. За него не несут персональной ответственности, однако отвечают. Аспект владения присутствует в глаголе *царствовать* (бел. *валадарыць*, пол. *panować*). В сказочных зачинах царствование не отождествляется с господством (*В некотором царстве, в*

некотором государстве жил да был...). Раб подчиняется господину, а пан холопами (мужиками) владеет. Институту господства противопоставляется *инстанция* нераздельного обладания. Характер ее *гетерический* (греч. *hetaireia* от *hetairos* товарищ). Мотив «...и над панами я пан!» (песен.) есть мотив свободы, а не воли. Свобода не имеет прагматической направленности. Характер ее первичный – логистический. Есть свобода слова, а не дела. «Ученые бьются над проблемой, что первично, а что вторично. Хотя вроде бы ответ дан: первично Слово» [3, с. 50].

Словом «*мой*» безоговорочно отмечается легитимность Другого – признание его власти (*мой профессор, мой учитель* и т.д.). Имперсональный Другой – это не обязательно другой человек. Им становится *пассия* – все, что захватывает человека и безраздельно им владеет. Благодаря Другому человек избавляется от «самотности» и обретает целостность: *...Я не самотны, я книгу маю...* (М. Богданович). Пассионарий находится во власти творчества, мотивированного непреодолимой жадой (стремлением) обладания. Рефлексы типа «*боже мой*», «*душа моя*», «*ягодка моя*» и т.п. – это апелляции в признаваемые горящим неофициальные инстанции: ***Свет ты мой! послушай меня, старика: напиши этому разбойнику, что ты пошутил*** (А. Пушкин). Власть и влияние инстанции Другого благотворны: *...все отдал бы за ласки, взоры, Чтоб ты владела мной одна* (песен.); *... иго бо мое благо...* (Матф. 11:30).

Творчество сменяется одержимостью, если на вершине власти оказывается антипод –кто-то находится под властью «золотого тельца» или «нечистой силы» и т.п. Отзвуки мифического сознания находим в языковой идиоматике: *черти взяли, черт дернул за язык, нечистый попутал* и т.п. К антиподу не имеют ничего личного. Он ни друг и ни враг, а неприятель. Влияние антипода тлетворно, нахождение под

его властью чревато неприятностями. Однако нельзя познать *моего*, не будучи знакомым с его антиподом (как «верх» и «низ», «правое» и «левое»).

В силу логической сущности «*моего*», дискурс здесь, по сути, неуместен. «*Мое*» не тема рассудительной речи, а интуитивный мотив звучащего «*моего*» слова:

БДИ ЖЕ СЛОВО ВАШЕ: ЕЙ, ЕЙ: НИ, НИ:
ЛИШНЕ ЖЕ СЕЮ ѿ НЕПРИЯЗНИ
ЕСТЬ (МАТФ. 5: 43)

[11, с. 35]. Словам «*Ей-ей*» не свойственна риторическая убедительность: *Я, ей-ей, не виноват ни душой, ни телом* (М. Горький). «*Мой свет*» – сфера *уверенностей* человека. Говорящий уверен в подлинности всего, что «держится» им за «*мое*». Подлинность не проявлена в перформативном акте клятвы: *Клянусь я первым днем творенья, Клянусь его последним днем...* (М. Лермонтов). По-другому в христианской этике: «Я же говорю вам: не клянитесь вовсе» (Матф. 5:34). Апелляция *ей (эй)* не играет роль стимула. Это импульс – поведенческий призыв: *Hej, hej, hej sokoly Otijajcie góru, lasy doły...* (песен.). Слова «ни, ни» также не выражают логическое отрицание («нет, нет»). В них отсутствует воля закона (ср.: «Не убий». «Не пожелай...» и т. д.). Ими накладывается табу – древнейшая санкция защиты первозданной подлинности всего [8]: *Прикладываться с молитвой и давать приношения – пожалуйста, но щупать и пробовать на зуб подлинность – ни-ни!* (В. Тараненко).

Доминирующая характеристика «*моего света*» – его бесценность: *бесценный дар, бесценный опыт, бесценная жизнь, бесценный талант* и др. Не имея цены, «*мое*» обладает оплачиваемой стоимостью. Вопрос стоимости решается предвзято – а *рiогi (А стоит ли?)*. Говоря о стоимости, мы не наделяем объект качественной определенностью и, соответственно, не проецируем его на шкалу оценки – «хорошее» или «плохое». Отмечаются

«плюсы» и «минусы» всего. Это отметки (*ноты*), принятые в полярном мире: *мое* (+), *не мое* (-). Полярные сущности не образуют оппозиции и не имеют системообразующих признаков. Каждый для себя сам решает «Стоит ли?», обнаруживая при этом свою «нотную грамотность».

«*Мое*» не детерминировано обычаем. Концепт обычного (обыкновенного) принадлежит систематике, имеет номинативную валентность и применяется в идентифицирующих дескрипциях (напр., *енот обыкновенный*, пол. *profesor zwyczajny* и т.п.). С «*моим*» человек как бы срастается и не отделяет его от себя. Оно для него настолько привычно, что его нехватка замечается только при его потере: *Мне не стало хватать его только сейчас – Когда он не вернулся из боя. [...] Для меня – будто ветром задуло костер, Когда он не вернулся из боя* (В. Высоцкий). *Litwo, Ojczyzno moja! ty jesteś jak zdrowie; Nie cię trzeba cenić, ten tylko się dowie, Kto cię stracił* (А. Mickiewicz).

Подлинная сущность «*моего света*» становится доступной реципиенту в ходе «феноменологической редукции» (Э. Гуссерль), заключающей в скобки позитивные (прямленные) определения существующего мира. Реально это обнаруживается в уверенности, что в сфере сущностей ничего не существует по установлению, т.е. «так» и «как таковое». Все здесь оказывается «не так» – *по-другому*, «не таким» – *другим*. Смысл антитезы «не так» доступен поэтам и философам: *Нет, ребята, все не так! Все не так, ребята...* (В. Высоцкий). *Все не то, чем кажется, и не наоборот* (Конфуций); бел.: *Народ то быў усё*

не такоўскі: Сам Пушкін, Лермантаў, Жукоўск І Гогаль шпарка каля нас Прайшли, як павы, на Парнас (Аноним. поэма)

Итак, по ходу непосредственного восприятия возникает и фиксируется виртуальная реальность «*моего света*». Ее составляет допредикативный жизненный опыт

человека, воплощенный в языке сущностей. Эта реальность не открывается как объект и не трактуется субъективно, однако творится и воспринимается, исходя из принципа подлинности. Ее аутентичность постигается путем отрешения от позитивных определений существующей действительности. Реальность «моего света» не имеет утилитарно-прагматических свойств, внешней референции и знаковой репрезентации. Ее логистический характер обнаруживается в феномене «живого слова», обладающего чертами иероглифа. Сила и власть слова в «моем свете» восходят к недискурсивному пути познания мира, характерному для искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
2. Бесконечный тупик. Виртуальный сервер Д. Галковского. URL: <http://www.samisdad.com/3/311-135.htm> (дата обращения: 08.03.2021).
3. Богданович, В. Стань интересным собеседником. Общение без барьеров. СПб: Питер, 2019.
4. Веда: тайны Востока: сб. ст. / А.Ч. Бхактиведанта [и др.]; пер. с англ. М.: The Bhaktivedanta Book Trust, 2019.
5. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Акад. проект, 2009. Кн. 1. Общее введение в чистую феноменологию.
6. Друскин, Я. С. Звезда бессмыслицы // «Сборище друзей, оставленных судьбою»: А. Веденский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «Чинари» в текстах, документах и исследованиях: в 2-х т. / [сост. и ред. В. Н. Сажин. М.], 1998. Т. 1. Александр Веденский, Леонид Лепавский, Яков Друскин. С. 323–416.
7. Кант, И. Собрание сочинений: в 8 т. М.: ЧОРО, 1994. Т. 3. Критика чистого разума.
8. Маковский, М.М. Феномен табу в традициях и в языке индоевропейцев. М.: Либроком, 2019.
9. Новейший философский словарь. Минск: Интерпрессервис: Кн. Дом, 2001.

10. Ортега-и-Гассет, Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991.
11. Святое евангелие. М.: Сибирская Благовонница, 2015.
12. Сенкевич, В. Феноменологическая лингвистика. Этические начала и принципы языка. Седльце: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego, 2020.
13. Словарь русского языка: в 4 т./ Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 2.
14. Соловьев, В. С. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2.
15. Фромм, Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1986.
16. Хомский, Н., Бервик Р. Человек говорящий. Эволюция и язык. СПб: Питер, 2021.
17. Чалдин, Р. Психология влияния. Убеждай, действуй, защищайся. СПб: Питер, 2021.
18. Шиманский, А. Наш Бердяев. О Специфике издания // Бердяев Н.А. Творчество и объективация. Минск: Экономпресс, 2000.
19. Эрн, В. Ф. Борьба за логос ; Г. Скворода. Жизнь и учение. Минск: ООО «Харвест» ; М.: АСТ, 2000.
20. Bańkowski, A. Etymologiczny Sownik Języka Poilskiego. Warszawa: PWN, 2017. Т.1.
21. Kiklewicz, A. Rosyjskie czasowniki mentalne jako klasa semantyczna // Przegląd rusycystyczny. 2017. № 2 (158). С. 93–117.

REFERENCES

1. Bakhtin, M.M. Eshetika slovesnogo tvorchestva. M.: Iskusstvo, 1979.
2. Beskonechnyi tupik. Virtual'nyi server D. Galkovskogo. URL: <http://www.samisdat.com/3/311-135.htm> (data obrashcheniya: 08.03.2021).
3. Bogdanovich, V. Stan' interesnym sobesednikom. Obshchenie bez bar'erov. SPb: Piter, 2019.
4. Veda: tainy Vostoka: sb. st. / A.CH. Bkhaktivedanta [i dr.] ; per. s ang. M.: The Bhaktivedanta Book Trust, 2019.
5. Gusserl', EH. Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii. M.: Akad. proekt, 2009. Kn. 1. Obshchee vvedenie v chistuyu fenomenologiyu.
6. Druskin, YA. S. Zvezda bessmyslitsy // «Sborishche družei, ostavlennykh sud'boYU»: A. Vedenskii, L. Lipavskii, YA. Druskin, D. Kharms, N. Oleinikov: «ChinarI» v tekstakh, dokumentakh i issledovaniyakh: v 2-kh t. / [sost. i red. V. N. Sazhin. M.], 1998. Т. 1. Aleksandr Vedenskii, Leonid Lepavskii, Yakov Druskin. S. 323–416.

7. Kant, I. Sobranie sochinenii : v 8 t. M. : CHORO, 1994. T. 3 : Kritika chistogo razuma.
8. Makovskii, M.M. Fenomen tabu v traditsiyakh i v yazyke indoevropoitsev. M.: Librokom, 2019.
9. Noveishii filosofskii slovar'. Minsk: Interpresservis: Kn. Dom, 2001.
10. Ortega-i-Gasset, KH. Ehstetika. Filosofiya kul'tury. M. : Iskusstvo, 1991.
11. Svyatoye evangelie. M.: Sibirskaya Blagozvonitsa, 2015.
12. Senkevich, V. Fenomenologicheskaya lingvistika. Ehticheskie nachala i printsipy yazyka. Sedl'tse: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego, 2020.
13. Slovar' russkogo yazyka : v 4 t./ Pod red. A. P. Evgen'evoi. M.: Russkii yazyk, 1985–1988. T. 2.
14. Solov'ev, V. S. Sochineniya: v 2 t. M.: Mysl', 1988. T. 2.
15. Fromm, EH. Imet' ili byt'? M.: Progress, 1986.
16. Khomskii, N., Bervik R. Chelovek govoryashchii. Ehvolutsiya i yazyk. SPb: Piter, 2021.
17. Chaldin, R. Psikhologiya vliyanija. Ubezhdai, vozdeistvui, zashchishchaisya. SPb: Piter, 2021.
18. Shimanskii, A. Nash Berdyaev. O Spetsifike izdaniya // Berdyaev N.A. Tvorchestvo i ob'ektivatsiya. Minsk: Ehkonompres, 2000.
19. Ehrn, V. F. Bor'ba za logos ; G. Skovoroda. Zhizn' i uchenie. Minsk: OOO «KharvesT» ; M.: AST, 2000.
20. Bańkowski, A. Etymologiczny Sownik Języka Poilskiego. Warszawa: PWN, 2017. T.1.
21. Kikiewicz, A. Rosyjskie czasowniki mentalne jako klasa semantyczna // Przegląd rusycystyczny. 2017. № 2 (158). S. 93–117.

Василий Сенкевич

доктор филологических наук, профессор

Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина

г. Брест, Беларусь

sienkiewiczw@tut.by